

Д. И. ЭДЕЛЬМАН

О КОНСТРУКЦИЯХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Общеизвестен факт сосуществования в большинстве иранских языков номинативной и эргативной конструкций предложения. Эргативная характерна для предложений с переходными глаголами в формах прошедших времен, образованных от основ (бывших причастий) на **-ta*; номинативная — для предложений и с переходными, и с непереходными глаголами во всех других формах¹. С последней совпадает также конструкция с непереходными глаголами в прошедших временах от основы на **-ta*, что позволяет рассматривать ее не как особую «абсолютную», а как подкласс номинативной. Иными словами, предложения с глаголами в непрошедших временах и прошедших, образованных не от основ на **-ta*, знают здесь только номинативную схему; предложения с прошедшими временами от основ на **-ta* могут строиться либо по эргативной модели (с переходным глаголом), либо по неэргативной — практически номинативной (с непереходным глаголом).

Такое распределение обеих конструкций в тех языках, где представлена эргативная, свидетельствует о том, что типология предложения здесь не является ни выдержанной номинативной (где отсутствовала бы эргативная модель), ни тем более эргативной (где любые формы переходных глаголов требовали бы эргативного построения предложения), а носит смешанный характер. Эта черта типологии предложения обуславливает наличие здесь явлений, не свойственных последовательно номинативным или эргативным языкам. Так, эргативной конструкции противопоставлена не абсолютная, а номинативная, общая для непереходных глаголов во всех временных формах и для переходных глаголов в формах не от основы на **-ta*. К тому же для большинства иранских языков характерно наличие категории залога, а следовательно, и пассивных форм глагола и пассивного построения предложения (см. ниже), что обычно считается свойством языков номинативного строя, поскольку последовательно эргативные языки не имеют залога. Все эти явления позволяют характеризовать типологию предложения в большинстве иранских языков как смешанную номинативно-эргативную с резким преобладанием черт номинативности и подчиненным положением эргативной конструкции.

Номинативное построение находит здесь выражение в оформлении имени субъекта номинативом или прямым падежом, в субъектном согласовании глагола и в оформлении возможного объекта косвенным падежом (при наличии двух или более косвенных падежей — специальным объектным) или равнозначным ему предложным /последочным сочетанием, либо местоименной энклитикой; в ряде языков неопределенный объект передается прямым падежом. Общая схема конструкции: «я иду», «я делаю то-то», «я шел». Номинативная модель предложения унаследована иран-

¹ При образовании форм прошедших времен не от основ на **-ta* (ягнобский язык, имперфекты в мунджанском, парачи) используется номинативное построение.

скими языками из древнеиранского состояния, для которого она, судя по синтаксису языка памятников, была наиболее характерной.

Эргативная конструкция в иранских языках характеризуется постановкой имени-субъекта в косвенном падеже (обычно — в историческом генитиве) или заменой его местоименной энклитикой; имя-объект оформляется прямым падежом, но в ряде языков также и косвенным (или предложным/последложным сочетанием), если объект определенный. Глагол может иметь в одних языках объектное, в других — субъектно-объектное, в третьих — чисто субъектное или нулевое согласование. Общая схема предложения: «(у) меня это сделанное», «(у) меня это сделано» и т. п. Эргативная конструкция сложилась, по-видимому, на рубеже древнеиранской и среднеиранской языковых эпох из пассивно-посессивных оборотов типа древнеперсидского *ima tya manā/maiū kartam (astiy)* «это что у меня (или: мною) сделанное (есть)»². В дальнейшем, с превращением этих оборотов в устойчивые синтаксические конструкции, они были осмыслены как выражающие активное действие³. Это заставило ряд языков выработать новые средства для выражения пассива и соответственно еще одну — пассивную модель предложения.

Основные признаки пассивного построения: субъект действия в предложении факультативен; может быть выражен предложным/последложным или более пространном описательным сочетанием. Объект оформляется номинативом — прямым падежом. Предикат выражается либо аналитической формой пассива, либо описательным сочетанием, состоящим, как правило, из неличной формы основного глагола и личной формы глагола «становиться», «идти» или «приходить». Общая схема таких построений: «мною /при помощи меня/ посредством меня/ со стороны меня/ от моей руки (и т. д.) это сделанным стало/ пришло/ пошло».

Таким образом, во многих современных иранских языках предложения с переходными глаголами могут иметь три разных схемы построения — номинативную-активную, эргативную и пассивную — в зависимости от залоговых и видо-временных форм глагола; предложения с непереходными глаголами — одну, номинативную (см. табл. 1).

Материал, приведенный в табл. 1, показывает, что в языках номинативно-эргативной типологии (с преобладанием черт номинативности), где эргативная конструкция ограничена определенным набором видо-временных форм, она находится фактически в дополнительной дистрибуции к номинативно-активной конструкции, от которой отличается лишь формально, а не по характеру выражаемых отношений, и тем самым входит в систему актива. Это представляется необычным с точки зрения теории эргативности, разработанной на материале последовательно эргативных языков, согласно которой эргативная конструкция стоит вне залоговых противопоставлений. Однако для языков номинативно-эргативной типологии — при подчиненном положении эргативной конструкции и при ее дополнительной дистрибуции по отношению к номинативно-активной — трактовка ее как частной подсистемы активной, связанной с определенными видо-временными формами и отличной от номинативно-активной лишь формально, думается, вполне допустима. Это подтверждается тем, что во многих иранских языках наблюдаются случаи контами-

² Л. А. П и р е й к о, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков, М., 1968, стр. 9 и сл. Иная трактовка этих оборотов дана в работе Дж. Кардона [G. S a r d o n a, The Indo-Iranian construction *mana (tama) kartam*, «Language», 1970, 46, 1], где они рассматриваются как сочетания, входящие в глагольную систему пассива, что едва ли правомерно.

³ Подробнее о различиях между эргативной конструкцией, которую иногда исследователи отдельных языков описывают как пассивную, и собственно пассивной см.: Л. А. П и р е й к о, указ. соч., стр. 39—40.

Таблица 1

Конструкции предложения в пушту

Временные формы	Номинативная		Эргативная	Пассивная
	непереходный глагол	переходный глагол		
	—	активный залог		пассивный залог
Настоящее	<i>zə darēžəm</i> «я останавливаюсь»	<i>zə dəy tarəm</i> «я его привязываю»	—	<i>day zmā lə xvā tarəl (ay) kēži</i> «он мною привязываем» (буквально: «он с моей стороны привязанным становится»)
Прошедшее несовершенное	<i>zə daredəm</i> «я останавливался»	—	<i>mā day tārə</i> «я его привязывал»	<i>day zmā lə xvā tarəl (ay) kedə</i> «он мною был привязываем» (буквально: «он с моей стороны привязанным становился»)

нации эргативной конструкции с номинативной-активной и никогда — с пассивной. В ряде этих языков, не знающих ныне эргативной модели предложения, но выявляющих ее явные рефлексии в виде генитивного происхождения общих внепадежных форм (показатель мн. числа *-ān* < др.-иран. род. мн. *-ānām*⁴, местоимение 1-го лица ед. числа *man* < др.-иран. род. ед. *mana*), утрата ее произошла путем контаминации с номинативной-активной, но не с пассивной.

Все эти модели предложения, обусловленные в конечном счете семантикой глагола (переходностью/непереходностью), уже освещались в литературе, поэтому здесь лишь делается попытка установить их соотношения в рамках единой системы.

Значительно меньше внимания уделяется обычно другим характерным для иранских языков построениям, которые, как и рассмотренные выше, связаны с семантикой предиката. Наиболее общими из них являются посессивные конструкции, или конструкции наличия (типа «у меня это есть»), и конструкции, обозначающие физическое и психическое состояние субъекта (типа «мне холодно», «мне голодно», «мне нравится», «мне страшно» и т. п.)⁵, иногда характеризующиеся в качестве разновидностей эргативной. В литературе уже рассматривался вопрос о связи между образованием эргативных построений в индоиранских языках и отсутствием в них в древний период глагола со значением «иметь»⁶. Этот же фактор обусловил и наличие в них посессивных конструкций.

Глагол, который в ряде иранских языков развил абстрактную семантику «иметь», — и. е. **dher-*, **dhera-* (Роконгу, 252), др.-инд. *dhar-*, др.-иран. **dar-* — в древнеиранских языках еще этой семантики не имел и выявлял определенный круг конкретных значений: «держаться», «удержи-

⁴ См.: Б. В. Миллер, Показатель множественности «ān» в иранских языках, сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», М. — Л., 1938, где указывается, что некоторые авторы считают *-ān* продолжением не генитива, а номинатива типа **-ānas*.

⁵ См.: Б. В. Миллер, О полистадиальности иранских языков, сб. «Академия наук — академику Н. Я. Марру», М. — Л., 1935, стр. 310.

⁶ А. Meillet, Le développement du verbe *avoir*, «Antidoron J. Wackernagel», Göttingen, 1923, стр. 9—13; E. Benveniste, La construction passive du parfait transitif, BSLP, 48, 1, 1952; Л. А. Пирейко, указ. соч., стр. 28 и сл.

вать», «схватывать», «содержать» и несколько более отвлеченное — «владеть». Например, др.-перс. *Aspačanā vaçabara Dārayavahauš xšāyaθiyahyā isuvām dārayatīy*. DNd. 1—2 «Аспатина щитоносец(?) держит боевой топор Дария-царя»; авест. *vispe haoma... yaēcit qzahu dərətāyō* Y. 10. 17 «все, о хаома, те, которые в тяготах содержащиеся...». Идея же обладания в древнеиранских языках выражалась исключительно конструкцией наличия с выражением субъекта обладания именем в генитиве ⁷ или местоименной энклитикой, как и в именных сочетаниях принадлежности (типа «мой дом»), объекта — именем в номинативе, предиката — факультативной связкой или глаголом *ah-* «быть», либо глаголом *bav-* «быть», «становиться». Например, др.-перс. *avahyā Kabājiyahyā brātā Bardīya nāma āha* DB. I. 29—30 «У того Камбиза брат по имени Бардия был».

Далеко не во всех иранских языках средней и новой эпохи у основы **dar-* развилась абстрактная семантика «иметь», и, следовательно, далеко не во всех языках появилась конструкция обладания типа «я имею». В отдельных языках, например в осетинском, ягнобском, глагол с основой **dar-* сохраняет древнее конкретное значение, не приобретая абстрактного. В ряде других, например в курдском (в курманджи и мукри), язгулямском, ваханском, глагол **dar-* самостоятельно вообще не употребляется (хотя этимологически прослеживается в окаменелых провербных основах, например, язг. *pərdar-* «держат; удерживать», *padir-* «удерживаться»). В некоторых языках, например ишкашимском и шугнано-рушанской группе, эта основа употребляется только в составе устойчивых глагольных фразеологизмов (или сложноименных глаголов) типа шугн. *χōj dēr: χōj dād, dāyd* (инфинитив *dērtōw* вторичного образования) «бояться» (буквально: «страх держать»), руш. *χōj dēr-* (формы прошедшего времени нет, инфинитив *dērtōw* вторичен) и т. п.

В этих языках, где, как и в древнеиранских, нет глагола «иметь», идея обладания выражается исключительно конструкциями наличия типа «у меня это есть /имеется». Их построение варьирует в зависимости от морфологических и лексических возможностей каждого языка. Наиболее общие принципы, отразившиеся, в частности, в севернопамирских языках, сводятся к следующим. Субъект обладания передается именем в косвенном (генитивного происхождения) падеже (если у данной категории имен есть падежи), сочетающемся обычно с послелогами: шугн. *du-aray važēn-ēn māš-and yast* ⁸ «Две-три козы у нас имеются»; руш. *mun-ā kurta yast* ⁹ «У меня есть рубашка»; язг. *imi rang nak tu yast* «Ее облик — именно у тебя имеется»; *tu-me bu yast əncavn?* «У тебя есть еще иголка?», ср. однако: *sum yast-yo tu-je?* «Есть у тебя [при себе] деньги?» ¹⁰. Встречается также выражение субъекта обладания историческими местоименными энклити-

⁷ Ср. различие конструкций принадлежности с генитивом и обладания с дативом субъекта в других древних индоевропейских языках, см.: E. V e n e i s t e, «Etre et «avoir» dans leurs fonctions linguistiques, BSLP, 55, 1, 1960, стр. 123. Отсутствие формы датива в древнеперсидском и неразличение генитива/датива энклитикой затрудняют выявление таких различий в древнеиранском материале.

⁸ И. И. З а р у б и н, Шугнанские тексты и словарь, М.—Л., 1960 (далее — Зар. Сл.), стр. 53.

⁹ М. Ф а й з о в, Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966 (далее — Ф.), стр. 204.

¹⁰ Различение в севернопамирских языках собственно принадлежности (или постоянного наличия), с одной стороны, и наличия «при себе» (или временного наличия), с другой, путем присоединения разных послелогов типологически напоминает различие генитивных и дативных конструкций в древних индоевропейских языках (см. примеч. 7) и имеет аналогии в других иранских языках. В частности, как любезно сообщил В. И. Абаев, в осетинском в случае неотчуждаемой принадлежности субъект выражается именем в дательном, отчуждаемой — в направительном падеже: *īs tyn dywwx læppijy* «Есть у меня два мальчика (сына)», ср. *īs tæm fonz qūzy* «Есть у меня пять коров».

ками; например, язг. *ded-a nān-at yast-yo?* «Отец-мать у тебя есть ли?»; *dow bon čiray-af yast* «У вас есть два абрикосовых дерева». Объект обладания передается именем в прямом падеже.

Предикат выражен обычно глаголом наличия и отождествления *yast* «имеется; есть; является», отличным от современной связки, с которой в основном совпали исторические энклитики. Будучи по происхождению застывшей формой старой связки 3-го лица ед. числа, *yast* (<**asti*) является исключением с точки зрения спряжения, выражая лицо и число современными связками или отделяемыми личными показателями.

В конструкциях наличия, когда субъект обладания выражен в предложении именем, как и в конструкциях отождествления, энклитика при *yast* выступает как отделяемый личный показатель, согласующийся с подлежащим (т. е. в конструкциях наличия — с объектом обладания): сарык. *mū-yap da šart yost*¹¹ «У меня два условия имеются» (ср. язг. *yast-əm xəšri?* «Являюсь [ли я] красивой?»). В тех конструкциях наличия, где субъект не выражен именем, энклитика выступает в своем историческом значении выразителя субъекта обладания, и основа *yast* имеет практически нулевое согласование (примеры см. выше).

В язгуляемском языке глагол *yast* развил различные отрицательные формы для конструкции наличия и отождествления: в первой употребляются формы *na-yast*, *nest* «не имеется; нет», во второй — *nast* «не является; не есть». Примеры: *dow roc-əm yúst-ata wū doyd-ja nā-yast* «Два сына у меня есть, но ни одной дочери нет», но *nast-ay varm*, *γəbór* «[Это] не есть облака, [а] мгла». В большинстве же языков отрицательная форма универсальна, ср. руш. *mun-ā kiṭōb nist* Ф 206 «У меня нет книги»; *az-um āblā nist*¹² «Я не дурак».

Характерно, что если в конструкциях отождествления чаще выступает современная связка (глагол *yast* используется здесь при стилистическом подчеркивании отождествления), то в конструкциях наличия предпочтительнее употребление именно *yast*. Связка отмечается крайне редко: бадж. *mév-ind-en di čīd*¹³ «У них два дома суть». К тому же, поскольку подлежащее — объект обладания — в конструкции наличия обычно представлено 3-м лицом, соотносимая с ним связка, как правило, опускается, и такие построения без основы *yast* не имеют формально выраженного предиката: хуф. *dūm-ōw aráy jōn* С РТ 92 «У нее три души»; бадж. *dī-nd yi šart* К 247 «У него одно условие»; *nur tu-nd kor* К 251 «Сегодня у меня дело».

В прошедших временах и неизъявительном плане в конструкциях наличия (как и отождествления) употребляется глагол «быть», с теми же правилами выражения субъекта и согласования предиката: руш. *biyō māš-ā waht na-vid* Ф 105 «Вчера у нас не было времени»; *way-ā mis čil rizēn váwan* С РТ 55 «Чтобы у него тоже были сорок дочерей»; хуф. *pōdžō-yōw-an cavār ric vaḡ-at yi vērz vic* С РТ 73 «У царя были три сына и была одна кобыла»; язг. *dow roc-əm vad* «У меня было два сына».

Таким образом, севернопамирские языки практически продолжают древнюю конструкцию наличия. Сходное построение имеет эта модель и в других иранских языках — с косвенным или энклитическим оформлением субъекта, прямым — объекта и с выражением предиката глаголом

¹¹ Т. Н. П а х а л и н а, Сарыкольско-русский словарь, М., 1971 (далее — П СС), стр. 217.

¹² В. С. С о к о л о в а, Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959 (далее С РТ), стр. 216.

¹³ Д. К а р а м ш о е в, Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963 (далее — К), стр. 251.

«быть; иметься; наличествовать» или факультативной связкой¹⁴. В тех языках, где отсутствует глагол с абстрактной семантикой «иметь» (например, в курдском, осетинском, ягнобском, ваханском, ишкашимском), данное построение является единственным средством передачи отношения обладания. В других, например в персидском, таджикском, белуджском, гилянском, малых языках Ирана, пушту, мунджанском, где глагол **dar-* развил абстрактную семантику «иметь»¹⁵ и имеется конструкция обладания типа перс. *mān darām* «я имею», посессивная сосуществует с ней. В некоторых языках они распределены по говорам, или конструкция обладания является литературной нормой, а посессивная сохраняется и развивается в говорах, как это представлено, например, в таджикском языке. В других языках обе конструкции употребляются в языке параллельно, что вызывает их частичную контаминацию.

Именно такой частичной контаминацией можно, по-видимому, объяснить косвенный падеж субъекта при глаголе *lor-* (<**dar-*) «иметь» в мунджанском¹⁶ в формах настоящего времени, что исключает эргативную трактовку построения. Примеры: *mān šart lorām* Г 37 «Я имею условие»; *ta čen pūri lōriy* Г 410 «Ты сколько сыновей имеешь?». При этом изредка встречается и прямой падеж субъекта, возможно, как остаточное явление: *tu tot-nēna lōraū yo čī-lōraū?* Г 39 «Ты отца-мать имеешь или не имеешь?». При продолжающемся параллельном употреблении конструкций обладания и наличия практически в одних и тех же отрезках речи (например, *tu tot-nēna lōraū yo čī-lōraū?*... — *mān tot-nēna āštāt* Г 39 «— Ты отца-мать имеешь или не имеешь?... — У меня отец-мать имеются») контаминация этих конструкций идет еще дальше, и застывшая форма 3-го лица ед. числа глагола «иметь» *let* начинает употребляться в конструкциях наличия в значении «имеется; есть»: *mān yū pūr let* Г 410 «У меня один сын есть»; *da Mānjon sāsti qalbi let* Г 149 «В Мунджане крутые горы есть».

Сходного типа конструкции наличия отмечаются и в других иранских языках. В гилянском это конструкция с недостаточным глаголом *dərə* «находится; имеется»¹⁷ (он же выступает и как вспомогательный в «определенных» формах, там, где в персидском выступает *daštān* «иметь»). Не исключено, что «неправильное» спряжение глагола «иметь» в ряде малых языков Ирана, например натанзи, ярани, фаризанди¹⁸, махаллати¹⁹ и др., также связано с явлением контаминации конструкций «я имею» и «у меня имеется». Характерно при этом, что все более или менее надежные примеры контаминации говорят о тенденции перестройки конструкции обладания по типу конструкции наличия и глагола «иметь» по типу «иметься», а не наоборот, что свидетельствует о большей устойчивости именно второй конструкции.

¹⁴ Различение собственно связки и глагола «иметься; наличествовать» распространено очень широко в иранских языках, ср. тадж. *ast* — *hast*, белудж. *in* — *ast*, гилян. *ə* — *isə*, *dərə*, авромани *ā* — *han*, пушту *dəy* — *s/šta* и т. п. В отдельных языках это различие захватывает и прошедшее время (шемерзади: *bea* ~ *dāvia*) и даже всю парадигму (мукри *bān* ~ *hebān*).

¹⁵ В некоторых языках глагол **dar-*, развил новую семантику «иметь», сохраняет и старую «держат; хватать», что отражается на его парадигме: в конкретном значении он имеет полную парадигму, в абстрактном — ограниченный набор форм (например, в литературном таджикском, персидском).

¹⁶ См.: А. Л. Г р ю б е р г, Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык, Л., 1972 (далее — Г), стр. 428.

¹⁷ В. С. Р а с т о р г у е в а, Глагол, в кн.: «Гилянский язык», М., 1971 (далее — Гил.), стр. 139—140, 150.

¹⁸ См.: A. C h r i s t e n s e n, Contributions à la dialectologie iranienne. Dialecte guilāki de Recht. Dialectes de Fārizānd, de Yaran et de Natanz, København, 1930, стр. 137, 249; Б. В. М и л л е р, О полистадиальности..., стр. 310.

¹⁹ О. М а n n, К. Н а d а n k, Kurdisch-persische Forschungen, Abt. III, I, Berlin — Leipzig, 1926 (далее — KPF), стр. 77.

Конструкция паличия в некоторых языках сходна с эргативной, что дало повод отдельным авторам рассматривать ее как разновидность последней. Однако всестороннее рассмотрение не дает для этого оснований, поскольку конструкция паличия: 1) отличается от эргативной по существу передаваемых ею специфических отношений; 2) основой ее является непереходный глагол бытия или паличия; 3) она используется независимо от временной соотнесенности глагола, что для иранской эргативной конструкции невозможно; 4) она распространена и в тех языках, где нет эргативной конструкции, и не мотивирована ею.

Особое место занимают отмечаемые во многих иранских языках построения, передающие физическое или психическое состояние субъекта: голод, жажду, сонливость, желание, любовь, страх, стыд и т. п. В них субъект, находящийся в данном состоянии, выражается именем в косвенном падеже (в ряде языков — с предлогами или послелогоми), либо энклитикой, независимо от временной соотнесенности состояния. Распространение этих конструкций по языкам не так единообразно, как распространение посессивных: то, что в одном языке выражается описанной здесь «косвенной» конструкцией типа «мне голодно», «мне стыдно», «мне нравится», «мне больно», «мне страшно» и т. п., в другом может выразиться «прямой» конструкцией типа «я голодный ем», «я стыд имею», «я люблю», «я испытываю боль», «я боюсь» и т. д. и наоборот.

Для севернопамирских языков, например, характерно использование для выражения любви, желания «косвенной» конструкции. Наиболее последовательно она представлена в язгулямском, где предикатом является неизменяемая основа или глагольное имя *γi* «хотящий, любящий; желание; любовь» (в прошедшем времени добавляется основа прошедшего времени *vad* глагола «быть»). Имя субъекта состояния оформляется здесь косвенным падежом (для той категории имен, которая имеет падежи), либо выражается исторической местоименной энклитикой. Все построение в целом, таким образом, формально сходно с эргативным: *dim na xi doγd manor γi* «Она очень любит свою дочь» (ср. *dim na xi doγd wint* «Она увидела свою дочь»); *na-γi-t* «Я не хочу» (ср. *na-wint-əm* «Я не видел»), *čig-at γi vad?* «Что ты хотела?» (ср. *čig-at-wintá vad?* «Что ты видела?»).

Такого же типа построения отмечаются в шугнано-рушанской группе. Так, рушанский и, по-видимому, хуфский еще сохраняют «косвенный» его характер: руш. *way rad niγišt lap žiwj* С РТ 304 «Он очень любит слушать радио»; *ca žiwj-i um...* С РТ 304 «Раз он ее любит...»; хуф. *tu žū(w)j* С РТ 304 «Я хочу». В других языках этой группы наблюдается сближение рассматриваемых конструкций (в разной степени в различных языках) с «прямыми» построениями. В бартагском встречаются как «косвенная» конструкция (*az mun-at žōwj?*²⁰ «Ты меня любишь?»), так и переходные от «косвенной» к «прямой» — выражение субъекта и косвенным падежом имени, и энклитикой одновременно (*mun-um az dī na-žōwj vad* С БТ 33 «Я его не любила»), и, наконец, «прямая», аналогичная конструкции при непереходном глаголе в прошедших временах (*az-um γi čizad-um na-žōwj* С БТ 39 «Я ничего не хочу»). В шугнанском (и баджувском) субъект всегда выражается прямым падежом и энклитикой, как при любых (поскольку здесь эргативная конструкция утрачена) глаголах в прошедших временах: шугн. *wiz-um wi na-žiwj* Зар. Сл. 61 «Я его не люблю»; бадж. *tu-t tu cūnd žiwj?* К 255 «Насколько ты меня любишь?».

²⁰ В. С. Соколова, Бартагские тексты и словарь, М.—Л., 1960 (далее — С БТ), стр. 33.

Таким образом, в севернопамирских языках конструкция с предикатом типа «любить; хотеть; нравиться» обнаруживает сходство с построениями, образуемыми переходными глаголами в прошедших временах, — с эргативным в тех из названных языков, где оно налицо, и с номинативным в тех языках, где нет эргативного. При этом в шугнанском (и баджувском), где нет эргативной модели предложения, но переходные глаголы, в отличие от непереходных, имеют в 3-м лице ед. числа показатель *-i* (старую энклитику), эта же энклитика наблюдается и в данной конструкции. В язгулямском и бартагском, где в 3-м лице мн. числа при переходных глаголах используется показатель язг. *əf-*, барт. *-af* (старая энклитика), он же употребляется и в данном построении: барт. *uf wī virōd-af az wī yičəθ na-ždōw* С БТ 55 «Те его братья его совсем не любили». В шугнано-рушанской группе эта конструкция стремится к дальнейшей перестройке по типу обычной модели предложения с переходным глаголом. В результате возникает вторичный сложноименный глагол с вспомогательным «делать» — *žiwj cidōw* (и вторичный инфинитив *žiwjdōw*), спрягающийся как обычный глагол и не образующий особой модели предложения, например, барт. *yā xi řan lap žōw-j-i čūg* С БТ 33 «Он очень любил свою жену».

«Косвенная» конструкция с предикатом «хотеть; любить; нравиться» наблюдается во многих других иранских языках. Таковы, например, конструкции с глаголом *wistin* «хотеть» в мукри (*de-m-e-wē* «мне хочется», *de-t-e-wē* «тебе хочется») ²¹, с глаголами *go-*, *gu-* в значении «хотеть; любить» в диалектах тати ²², *bayistān* в том же значении в татском ²³, *pie* «любить; хотеть; желать» в талышском ²⁴, *boyistan*, *voistan* в значении «хотеть; нравиться» в таджикских говорах ²⁵, с глаголами того же значения в ряде языков Ирана (семнани, шемерзади, махаллати, кохруд, хунсари, в диалектах Фарса и т. д.) ²⁶, *rimi-* «хотеться» в мунджанском (Г 428) и др.

Любопытно, что прослеживаемый в древнеперсидском прототип этой модели характеризуется не генитивным, как в конструкциях наличия, а аккузативным оформлением, что особенно важно, если учесть, что древний аккузатив употреблялся и в направительном значении: *yadā mām kāmā āha* DNa 37—38 «Как мне желательно было»; *tya rāstam awa mām kāmā* DNb 12 «Что правильно, то мне желательно».

Предложения, передающие другие типы психического состояния — страх, стыд и т. п., строятся по языкам различно, даже по таким близкородственным, как севернопамирские. Язгулямский, например, и здесь обнаруживает «косвенные» построения: *mon x°ayek* «я боюсь»; *tu mon qatay x°araj fərmāg?* «Ты стесняешься со мной есть?». В шугнано-рушанской группе соответствующая язгулямскому *x°ayek* основа *χōj* выступает в «прямых» — номинативных конструкциях: либо в значении «страх» в составе сложноименного глагола с вспомогательным **dar-* (например,

²¹ К. Р. Эйюби, И. А. Смирнова, Курдский диалект мукри, Л., 1968, стр. 99.

²² Е. Уаг-Шатер, A grammar of Southern Tati dialects, The Hague — Paris, 1969, стр. 242, 268—269.

²³ А. Л. Грюнберг, Язык северозербаджанских татов, Л., 1963 (далее Г Т), стр. 25.

²⁴ Б. В. Миллер, Талышский язык, М., 1953, стр. 182 и сл.

²⁵ См., например: А. Э. Розенфельд, Ванджские говоры таджикского языка, Л., 1964, стр. 33, 67; М. Махадов, Припанджские говоры таджиков Дарваза, АҚД, Душанбе, 1972, стр. 25; Б. Садуллаев, Говоры таджиков Шахрисабза, АҚД, Душанбе, 1972, стр. 14.

²⁶ См.: КРФ, Abt. III, I, стр. LXXXIX, 19—20, 80 и др.; Б. В. Миллер, О полистадиальности..., стр. 310; КРФ, Abt. I, Berlin — Leipzig, 1909, стр. 39.

барт. *tū di-mand xōj dōr...* С БТ 27 «Поскольку ты боишься...»), либо в значении «боящийся» со связкой или глаголом *yat*-«приходить» (здесь — «становиться», например: руш. *az-um xōj* С РТ 293 «я боюсь»; бадж. *waz-um xōj yat* «я испугался», *waz xōj yādum* «я испугаюсь»). Значение стыда передается в шугнано-рушанской группе описательными оборотами, *tu-rd xarm, tu xu dars ca na-xōyi* «Тебе стыдно, что ты уроков не учишь».

Сходным образом — «косвенными» конструкциями — выражаются, например, в язгулямском языке значения физического состояния типа «мне голодно», «мне хочется пить», «мне хочется спать» и т. п. Эти конструкции, основой которых является глагольное имя на *-ág* или прилагательное типа *təxnág* «жаждущий», требуют оформления субъекта косвенным падежом или выражения его энклитикой: *mon x'arag* «я голоден»; — *tu raxsag?* — *nast-am raxsag* «— Тебе хочется спать? — Не хочется мне спать»; *mūn təxnag nast* «Я не хочу пить» (буквально: «мне не жаждется»). В шугнано-рушанской группе и здесь выступает «прямая» конструкция: барт. *az-um lap mōwz* С БТ 132 «Я очень голоден», бадж. *waz-um dūnd ma'xūn j yast idi...* «Я так голоден, что...».

Модели предложения с косвенным падежом или энклитикой в функции субъекта и неизменяемой формой предиката характерны для многих других иранских языков. Они отмечаются, например, в персидских говорах: тегеран. *gošne-m-e* «голодно-мне-есть», *gošne-t-e* «голодно-тебе-есть» и т. д. (ср. *sārd-eš-e* «холодно-ему-есть», *gārm-et-e* «жарко-тебе-есть», *če-tun-e?* «Что с вами?» и т. п.)²⁷, в малых языках и диалектах Ирана, а также в гилянском: *tā-ra vištā-y* Гил. 239 «Тебе голодно-есть», *mī zaāka gārm-a be* Гил. 232 «Моему ребенку жарко будет»; в татском: *in sāgā kišnā-y-ū* «Эта собака голодная» (Г Т 25); в мунджанском такую конструкцию образует глагол *larāvīy*-«недомогать; болеть» (Г 428).

Все эти «косвенные» конструкции, несмотря на их внешнее сходство с эргативными, не могут быть причислены к последним практически по тем же причинам, по которым не причисляются к ним и конструкции наличия. Данные конструкции — их можно условно назвать конструкциями состояния, или аффективными, — отличаются от эргативных тем, что они: 1) передают специфические отношения; 2) безразличны к переходности/непереходности предиката (если глаголы «любить», «хотеть» еще могут трактоваться как переходные, хотя часто выступают без объекта и могут подчеркивать более состояние субъекта, чем направленность действия на объект, то «стыдиться», «недомогать», «хотеть спать» и др. такой трактовке не поддаются) и могут образовываться не только с глагольными, но и с именными предикатами («холодно», «жарко» и т. п., сюда же относится и местоименный вариант с *če* «что»); 3) безразличны к временной соотнесенности состояния; 4) употребляются и в тех языках, где эргативное построение неизвестно. Очевидно, их следует выделить в особый тип аффективных конструкций, или конструкций состояния²⁸, имеющих возможным прототипом древнеиранскую модель с аккузативом субъекта.

К рассмотренным конструкциям состояния примыкают разнообразные идиоматические обороты со сходными значениями, где субъект имеет косвенное выражение, а составной предикат часто включает глаголы движения типа «приходить», «уносить» и др., подчеркивающие, что субъект здесь не является источником состояния, а состояние «приходит к нему» или «уносит его». Таковы, например, обороты типа «сон его уносит» (т. е.

²⁷ Л. С. Пейсков, Тегеранский диалект, М., 1960 (далее — П Т), стр. 56.

²⁸ См. сравнение их с аффективной конструкцией в грузинском (Б. В. Миллер, О полистадиальности..., стр. 318), хотя в целом ученый считал их происхождение связанным с распространением эргативности на непереходные глаголы.

он засыпает) во многих иранских языках (например, хуф. *uf jāldað xūd m yēst* С РТ 73 «Они быстро засыпают»), «боль ему пришла» (тегеран. *dārd-eš umād* «боль-ему пришла», т. е. «ему стало больно», ср. *bavār-ām nemiyād* «вера-мне не приходит», т. е. «мне не верится» — П Т 56, тадж. *xanda-am omad* «смех-мне пришел», т. е. «мне стало смешно») и др., отмечаемые для персидского, таджикского, памирских, пушту²⁹, татского (Г Т 25), авромани³⁰ и т. д.

Практически такие обороты можно найти во всех иранских языках. При этом отдельные основы в разных языках требуют описательных косвенных оборотов одинакового типа. Такова, например, основа *for-* «хотеться; нравиться», наблюдаемая в таджикском (*ba man nameforad* «мне не хочется; мне не нужно»), ряде памирских языков (шугн. *tu-rd na-fört*, вах. *mārək... nə fort*, сангл. *tum-ba na-bufōru* «мне не нравится», руш. *ūf-ri fērt* «им понравилось», барт. *tā-ri na-förd* «тебе не нравится»). Однако все эти построения, явно поздние, носят описательный характер разной степени идиоматичности и указывают скорее на тенденции развития отдельных синтаксических оборотов в будущем, чем на наличие особого типа конструкции предложения (ср. в рушанском *way žiwj* «он любит» с косвенным падежом субъекта и явно поздний описательный оборот с послелогом: *way-re fört* «ему нравится»).

Резюмируя сказанное выше, можно сделать следующие обобщения. В большинстве иранских языков различается пять синтаксических моделей предложения, наличие которых обусловлено в конечном счете семантической характеристикой их предиката. Первые три — номинативная, эргативная и пассивная — связаны с семантическим критерием переходности/непереходности глагола, последние две — конструкции наличия и состояния — с более частными семантическими группами предикатов.

Подавляющее большинство непереходных глаголов (кроме глаголов обозначающих физическое и психическое состояние в ряде языков) требует, независимо от видо-временной формы, номинативной конструкции предложения.

Большая часть переходных глаголов (кроме отдельных глаголов состояния) требует различных построений, в зависимости от залоговых и видо-временных форм глаголов: глаголы в активном залоге обуславливают конструкции эргативную (в прошедших временах с основой на *-ta) и номинативную (в непершедших временах и в прошедших, образованных не от основ на *-ta); глаголы в пассивном залоге — пассивную.

Глаголы со значением «иметься», «наличествовать», а также в ряде случаев связка и глагол «быть» в предложении со значением наличия требуют особой конструкции наличия, или посессивной, независимо от временной соотнесенности предиката.

Глаголы, а также именные предикаты со значением физического и психического состояния, в ряде языков образуют особые конструкции состояния, или аффективные, независимо от временной соотнесенности предиката или его спрягаемого компонента.

История этих конструкций различна. Номинативная восходит к общедревнеиранской номинативной схеме и через нее — к общеевропейской. Столь же древнее происхождение имеет и посессивная модель с древнеиранским генитивом (это не исключает возможности дативного построения отдельных ее разновидностей в более раннюю, чем зафиксированная памятниками, древнеиранскую эпоху, учитывая, что в древне-

²⁹ D. L. R. L o r i m e r, *Syntax of colloquial Pashtu*, Oxford, 1915, стр. 31.

³⁰ D. N. M a s k e n z i e, *The dialect of Awroman*, København, 1966, стр. 51 и сл.

персидском форма генитива объединяла функции этих двух падежей, а авестийские примеры слишком скудны, чтобы проследить на них общий принцип выражения принадлежности). Эргативная конструкция возникла из пассивно-посессивных оборотов³¹, т. е. из частной разновидности посессивной. Аффективная, или конструкция состояния, имеет возможным прототипом засвидетельствованную в древнеперсидском древнеиранскую аффективную модель с аккузативным оформлением имени субъекта. Пассивное построение предложения носит явно инновационный описательный характер, различно оформляется по языкам и выделилось, по-видимому, спонтанно в разных языках из номинативного активного.

В настоящее время наблюдается тенденция к контаминации в отдельных языках разных моделей, выражающих сходные отношения. Так, эргативная конструкция, противопоставленная номинативной-активной лишь формально, а не по характеру выражаемых отношений, имеет тенденцию к контаминации с ней. Посессивная, или конструкция наличия, может заменяться конструкцией обладания с глаголом «иметь», но, являясь в целом устойчивой за счет обособленности значения глагола и специфики отношений ее членов, может при параллельном употреблении способствовать перестройке конструкций обладания с «иметь» в посессивные с «иметься». Аффективные конструкции в ряде языков формально сходны с эргативными и параллельно с последними могут перестраиваться по типу обычных номинативных. В отдельных языках они весьма устойчивы.

Во всех иранских языках возникают новые «косвенные» обороты описательного характера с различной степенью идиоматичности, выражающие физическое и психическое состояние. Это говорит об определенной тенденции стилистически акцентировать отсутствие инициативы в возникновении состояния со стороны его субъекта.

Характерно, что посессивные и аффективные конструкции наблюдаются как в языках номинативно-эргативной типологии (пушту, курдском, язгулямском и др.), так и в языках чисто номинативной типологии (персидском, таджикском, осетинском, пугнанском и др.), тем самым, их мотивировка эргативностью исключается.

³¹ E. Benveniste, «Être» et «avoir» ..., стр. 123.